

*Г. М. Зельдович*

**ПРАГМАТИКА  
ГРАММАТИКИ**



STUDIA PHILOLOGICA

УДК 80/81  
ББК 81  
3 48

«Publikacja sfinansowana przez Wydział  
Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego»

«Публикация осуществлена при финансовой поддержке  
Факультета прикладной лингвистики Варшавского университета»

**Зельдович Г. М.**

3 48 Прагматика грамматики. — М.: Языки славянских культур, 2012. — 648 с.

ISBN 978-5-9551-0589-5

Если семантику интересует собственная «сущность» языковых единиц, то прагматика занимается вопросом, как же мы эти единицы реально используем. Использование намного богаче и непредсказуемее, нежели семантический инвариант, и особенно хорошо это видно в грамматике, чьи единицы на первый взгляд необыкновенно многозначны и капризны в своем поведении, однако при более глубоком анализе их семантическое устройство оказывается сравнительно несложным — а реально наблюдаемые капризы их поведения объясняются общими, не специфически грамматическими принципами функционирования языка. Эта книга — о том, как в грамматике взаимодействуют семантика и прагматика, о том, почему грамматика устроена просто, и о том, почему для нас это не всегда очевидно.

**ББК 81**

*В оформлении переплета использована картина Л. Поповой  
«Динамическое построение», 1919 г.*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0589-5

© Г. М. Зельдович, 2012  
© Издательство «Языки славянских культур», 2012

## ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора</i> .....	7
------------------------	---

### Часть I. Русский вид: семантика и прагматика

Предисловие .....	21
<i>Глава 1.</i> Семантика и прагматика совершенного вида .....	34
<i>Глава 2.</i> Семантика и прагматика несовершенного вида .....	72
<i>Глава 3.</i> Вид и отрицание, вид и модальность .....	154
<i>Глава 4.</i> Почему русские глаголы бывают двувидовыми? .....	195
Заключение .....	243

### Часть II. Залог и диатеза

<i>Глава 1.</i> Синтетический пассив совершенного вида на <i>-ся</i> . Почему его образование так затруднено? .....	245
<i>Глава 2.</i> Возвратные дативные конструкции типа <i>Не пишется</i> . Случайность или композиционность? .....	296
<i>Глава 3.</i> Русские активно-безобъектные глаголы. Непродуктивная продуктивность .....	355
<i>Глава 4.</i> Конструкции с генитивным подлежащим. Прагматический подход .....	366

### Часть III. Русское предикативное имя

Предисловие .....	443
<i>Глава 1.</i> Краткая форма прилагательного .....	446
<i>Глава 2.</i> Семантика и прагматика творительного падежа .....	472
<i>Глава 3.</i> Русское предикативное имя: согласованная форма VS творительный падеж .....	543
Заключение .....	596

**Часть IV. Грамматика в поэтике**

<i>Глава 1.</i> Грамматика поэзии: грамматическая литота Бориса Пастернака . . . .	599
<i>Глава 2.</i> Марина Цветаева: эллипсис как средство организации текста . . . . .	621
<i>Литература</i> . . . . .	631

## ГЛАВА 1

### СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА СОВЕРШЕННОГО ВИДА

1.1. Не имея, как мы уже говорили, никакой возможности рассмотреть здесь все предлагавшиеся трактовки совершенного вида, остановимся на двух наиболее популярных и конкурентоспособных интерпретациях.

Первая, «инцептивная», принятая в [Гловинская 1982; Падучева 1996] и многих других работах, гласит, что всякий глагол СВ обозначает *смену* состояний, то есть включает в свою семантику идею начала или конца, например *X сварил суп* ⇒ ‘суп начал существовать’, *X решил задачу* ⇒ ‘X начал знать ответ’ и т. п. (Кроме того, признается небезразличным коммуникативный статус инцептивной семы: она, как пишет Е. В. Падучева [1996: 155], должна быть на первом плане; эту гипотезу мы еще обсудим позднее).

Наличие такого инцептивного семантического компонента несомненно для «образцовых» и наиболее многочисленных глаголов, однако некоторые периферийные случаи дают повод засомневаться. Так, глагол *поспать* на первый взгляд значит (может быть, среди прочего) ‘(а) начать спать, (б) спать, (в) перестать спать’, но ни компонент (а), ни (в) не обнаруживают той обязательности, которая только и дала бы нам право считать их элементами *семантики*. Допустимо сказать:

- (1) После ухода жены Иван еще поспал;
- (2) До прихода жены Иван уже успел поспать, но и теперь просыпаться не собирался<sup>17</sup>.

Очевидно, что любые попытки усмотреть сему (а) в (1) и сему (в) в (2) — в духе ‘в какой-то момент начался / кончился тот сон Ивана, который имел место после / до прихода жены (и отличный от сна, имевшего место в другое время),’ — слишком неуклюжи, чтобы серьезно их обсуждать.

Можно возразить, что по крайней мере *один* инцептивный компонент безусловно присутствует и в (1), и в (2) (соответственно — окончание сна и его начало), однако есть и примеры наподобие (3):

- (3) Ивану дали снотворное, так что время кинофильма, который показывали с двух до четырех, он проспал.

---

<sup>17</sup> Интересно, что есть и группа ПО-глаголов, которые в таких контекстах неуместны. Ср.: *Дождик покапал и продолжает капать*. Это отмечено в [Boguslawski 2001]. Заметим еще, что есть глаголы без ПО-, которые все-таки очень похожи на делимитативы; ср. русское *уснуть* в *усну часочек*, а также польское *zjesc* в *zjesc smacznie* ≈ *вкусно поест*.

Здесь Иван скорее всего не начал спать в два часа и не перестал в четыре, так что ни начала, ни конца этого действия совершенный вид *проспать* может не обозначать. С другой стороны, очень трудно принять и мысль, будто в какой-то момент (а именно, в четыре часа) исполнилась некая *мера* сна, то есть *начало быть так, что* ‘Иван спал с двух до четырех’.

Вспомним еще и тот известный факт, что обстоятельства типа «столько-то времени» (*час, день, год* и т. п.) не сочетаются ни с какими глаголами совершенного вида, кроме делимитативов (глаголов наподобие *поспать*) и пердуративов (глаголов наподобие *проспать* (сколько-то)): нельзя, например, \**час сварить суп*, \**год написать книгу*, зато можно *час поспать, проспать, поработать* или *проработать, год где-то прожить* или *прописать книгу*. Очень правдоподобное объяснение состоит в том, что, с одной стороны, обстоятельство типа «столько-то времени» требует, чтобы занимающая данный интервал ситуация была *гомогенна* (в том смысле, какой это понятие получает, например, в [Carlson 1981]; см. также [Landman, Rothstein 2010]), а с другой стороны глаголы-делимитативы и пердуративы, в отличие от иных, включающих в свою семантику идею «скачка», обозначают именно гомогенную ситуацию.

Еще один случай, который крайне трудно объяснять с «инцептивных» позиций, — глаголы типа *посчастливилось, повезло* и т. п. Ср.:

- (4) Ивану посчастливилось жить в Москве.

Если мы попытаемся ответить, в чем состоит инцептивность глагола *посчастливилось*, то скорее всего придется думать, что он индуцирует инцептивность у подчиненного ему *жить*. Между тем предложение (4) обычно понимается, по крайней мере может пониматься, в том смысле, что Иван прожил в Москве *всю жизнь*, от начала до конца. При этом по достаточно ясным причинам очень неловко сказать, будто Иван, родившись, *начал* жить в Москве, а умерев, *закончил*. Другое объяснение примеру (4) (предложенное Андреем Богуславским при обсуждении этой работы) состоит в том, что (4) значит, среди прочего, ‘*случилось* что-то такое, что Иван жил в Москве’. Однако и оно кажется небесспорным: неясно, что, собственно, заставляет ввести в толкование событийный глагол совершенного вида *случилось* (или *произошло*, или другой подобный: важно только, что совершенным видом этого глагола как раз и отражается перфективность обсуждаемого *посчастливилось*), а не какой-нибудь *статив*, например, ‘*имело место такое положение вещей*, что Иван жил в Москве’. И хотя толкования типа приведенных в принципе не требуют обязательной конкретизации — *что именно* случилось или имело место, — но ставить так вопрос все-таки допустимо, и тогда ко многим случаям (например, если, сказав (4), говорящий имеет в виду что-то несобытийное, вроде ‘все предки Ивана были коренными москвичами’) дефиниция ‘*случилось* что-то такое, что Иван жил в Москве’ не подойдет — как, впрочем, ко многим (например, к ‘незадолго перед его рождением родители Ивана приехали в Москву’) не очень подойдет и интерпретация ‘*имело место такое положение вещей*, что Иван жил в Москве’.



Такие трудности принуждают отказаться и от второго объяснения примера (4), и в итоге остается загадочным, как могла бы тут реализоваться идея инцептивности.

Наконец, неприятны для «инцептивной» трактовки примеры типа

(5) Плащ уберег Ивана от дождя.

Объяснение вроде ‘в какой-то момент (совпадающий с моментом, когда начался дождь, или Иван вышел на улицу, или что-то еще в этом роде) плащ начал защищать Ивана от дождя’ звучит в немалой мере казуистически.

Учитывая эти обстоятельства (о некоторых других трудностях инцептивной теории см. [Зельдович 1999б]), такую интерпретацию совершенного вида нельзя признать универсальной — хотя и несомненно, что ее объяснительная сила весьма велика.

Вторая широко принимаемая точка зрения состоит в том, что глагол совершенного вида всегда обозначает достижение некоторого *предела*. В своем классическом варианте (см., среди прочего, [РГ 1982]; иногда, например в [Durst-Andersen 1993], эта же теория бывает слегка закамуфлированной) она, разумеется, неприемлема, ибо ей противоречат глаголы-делIMITАТИВЫ (типа *поспать*, *посидеть*) и градативы (*повыситься*, *понизиться*, *улучшиться*, *ухудшиться* и т. п.): для сна, сидения, повышения и т. д. нет естественной внутренней границы, и потому, поспав, можно спать еще (ср. (2)), повысившись — еще повышаться и т. д. Ср. пример из [Гловинская 1982]: *Цены повысились и продолжают повышаться*.

Можно найти и немало изысканных менее частых контрпримеров. Скажем, именно на не-достигнутость предела указывают глаголы с приставкой (или, возможно, с двумя приставками) *недо-*; тем не менее, это сплошь и рядом глаголы *совершенного* вида, ср. *недочитать*, *недописать*, *недосказать* и проч.

С учетом этих фактов понятие предела не раз пытались пересмотреть и уточнить. Так, в [Кошелев 1996; 1998] акцент сделан на *субъективности*, *условности* предела. Например, фраза *Белье высохло* не значит, будто белье не может стать *более сухим*: просто оно уже сухо в той степени, что его можно использовать, сложить в шкаф и т. п., — то есть субъективная *интерпретация* ситуации претерпела изменения.

К сожалению, и при такой трактовке предела делимитативы и градативы труднообъяснимы.

По-видимому, с точки зрения А. Д. Кошелева, фразу *Иван поспал* надо толковать как ‘Иван спал определенное количество времени, *достаточное для чего-то* (например, *достаточное*, чтобы быть бодрым и т. п.)’. Но тогда, если Иван спал определенное количество времени, *не достаточное* для этого «чего-то», то фраза *Иван поспал* в подобной ситуации должна быть неуместна (то есть, в зависимости от предполагаемого коммуникативного статуса соответствующих сем, либо неверна, либо лишена истинностного значения). А между тем она безупречна, ср.: *Иван поспал, но не столько, сколько нужно*.

Многие аспектологические работы, даже такие подробные и амбициозные, как [Durst-Andersen 1993], от существования делимитативов отвлекаются — на том основании, что делимитативы скорее всего лишены видовых пар и представляют маргинальное для видовой системы явление<sup>18</sup>. Но и в ее центре, среди парных глаголов, многие тоже лишены сколько-нибудь осязаемого «предела»: это все те же названные выше градативы (*повыситься, понизиться* и т. д.).

О чем, по сути, говорит фраза

(6) Цены повысились (и продолжают повышаться)?

О том, что говорящий сравнивает состояние цен в момент речи или в иной опорный момент с их состоянием в какое-то более раннее время. Следовательно, *граница* ситуации задана моментом речи или другим, предшествующим ему моментом и к *существу* обозначенного действия никакого отношения не имеет. Точно так же, произвольно по отношению к процессу как таковому, выбирается и та *начальная* временная точка, с которой сопоставляется нынешний уровень цен. Например, цены могут повыситься за последний год в целом и *не* повыситься за последний месяц: все определяется *только* тем, какой период нас интересует. (Дело не меняется оттого, что люди склонны искать в мире именно изменения и о них говорить: это касается не инвентаря языковых средств, а стратегии их использования).

Таким образом, обозначенная совершенным видом ситуация может быть ограничена пределом внутренним (качественное или субъективно понятое как качественное изменение в субъекте или объекте) и — в некоторых более редких, зато и показательных случаях — пределом сугубо временным, «внешним» и от сути ситуации не зависящим.

Однако понятие временного, «внешнего» предела если и отражает суть СВ, то только как метафора, логически же оно совершенно некорректно, поскольку предел, при любых нюансах в его интерпретации, остается точкой, после которой действие продолжаться не может *в силу самой своей сущности*<sup>19</sup>.

---

<sup>18</sup> Эту практику нужно признать порочной, во-первых, потому что подлинная теория вида обязана объяснить все факты без исключения, во-вторых, потому что делимитативная приставка ПО- и есть, вероятно, *самая чистая* видовая приставка [Comrie 1976: 89].

<sup>19</sup> Неприемлемость «предельной» трактовки СВ заставляет отказаться и от более сложных теорий, которые используют понятие предельности *наряду* с какими-то другими. Наиболее известна из них, кажется, теория А. Барентсена [1995; ср. также Charut 1990], гласящая, грубо говоря, что СВ = 'предельность + секвентная связь с другой ситуацией + целостность'.

Заметим также, что сомнителен и признак 'целостность', ибо это понятие слишком расплывчато [Гловинская 1982: 12—14]. Уязвима концепция и потому, что представляет семантику СВ как простой конгломерат отдельных элементов, без попытки прояснить их взаимосвязь, а может быть, и «выводимость» (хотя бы прагматическую) один из другого. В то же время та *связь* между обозначенной совершенным видом ситуацией и чем-то *другим*, на которую обращает особое внимание А. Барентсен (видимо, вслед за Г. Галтоном, см. [Galton 1976; 1980]), кажется исключительно важной и в наших дальнейших рассуждениях будет учтена.



Наконец, и «инцептивная» теория, и теория предельности страдают тем принципиальным изъяном, что не позволяют четко отграничить от совершенного вида несовершенный. Как идея «начала», так и идея достигнутого предела часто выражаются несовершенным видом (НСВ) столь же недвусмысленно, сколь и совершенным.

Так, фраза *По субботам Маша варит суп* нормально значит, что каждый раз она его *доваривает*, то есть, в зависимости от выбранного метаязыка, 'суп начинает существовать' или 'достигается предел (готовность супа)'. Можно возразить, что та же фраза совместима и с утверждением, что всякий раз суп *не доваривается*, и потому идея 'начала' или 'достигнутого предела' здесь не закодирована в прямом смысле слова, а является импликатурой — и в этом коренится отличие НСВ от СВ; иначе говоря, играет роль не только содержание «инцептивности» или «предельности», но и *способ их выражения*: для СВ соответствующая идея выражена семантически, тогда как для НСВ она импликатурна. Однако и такая оговорка чревата осложнениями. Существуют — хотя скорее всего и крайне малочисленные — моментальные глаголы типа *приходить*, *абсолютно неспособные* обозначать какой-либо безрезультатный процесс: ср. совершенно аномальное \**приходил, но не пришел* (другие моментальные глаголы ведут себя гибче и могут обозначать какую-то подготовительную фазу, ср. приемлемое *стрелял, но не выстрелил*. См. об этом [Апресян 1988]). Это значит, что во фразах *Цезарь приходит в Галлию*, *Иван сюда иногда приходит*, *Иван сюда приходил* идея 'начала' или 'достигнутого предела' никак не отменима.

Если признать, что перед нами — просто *неотменимая импликатура*, возникнет неприятный вопрос, почему такая же импликатура «законченности» все-таки отменима в *По субботам Маша варит суп*, *Я читал эту книгу* и массе других примеров (ср. *По субботам Маша варит суп, но никогда не доваривает*; *Я читал эту книгу, но дочитать не хватило терпения*)<sup>20</sup>.

Если же мы в обоих видах имеем здесь дело с семантикой, то для спасения «инцептивной» или «предельной» теории необходимо показать, что в *Иван пришел* видовая сема в каком-то *ином* плане коммуникативно значимее, чем в *Иван приходил*. (Применительно к идее 'начала' эта мысль, как уже упоминалось, высказывается в [Падучева 1996: 155]). Как это сделать, совершенно неясно.

Разумеется, подавляющее большинство глаголов НСВ в каких-то условиях действительно способны обозначать безрезультатный процесс, и *приходить* на этом фоне смотрится как исключение — хотя и единичные исключения никакую

<sup>20</sup> В связи с вопросом о неотменимых импликатурах добавим, что П. Грайс существование таких импликатур допускал, однако речь у него шла лишь об одном, совершенно особом, их классе, о так называемых *конвенциональных* импликатурах, теоретический статус которых представляется все более сомнительным [Bach 1999]. Современная прагматика, например теория релевантности, существование неотменимых импликатур признает безоговорочно. См. подробнее П.1.12.4—6.

теорию не укрепляют. Однако есть целые четко очерченные области употребления видов, где СВ и НСВ с точки зрения результативности (наличия / отсутствия перехода к новому состоянию или достигнутой / недостигнутой предела) не отличаются практически *никогда*: это многие модальные контексты и контекст императива, а также будущее время. Например, если кто-то *может* или *должен* поднять или поднимать 25 килограммов, то модальная установка относится ко всему действию в целом — независимо от выбранного вида; так, при любом из мыслимых прочтений модального показателя почти абсурдно звучит фраза *Иван может поднимать, но не может поднять 25 килограммов*. Точно так же, императивные предложения *Войдите* и *Входите* выражают желание, чтоб адресат *вошел*, примеры же типа *Входите, но не войдите* мыслимы, но практически неупотребимы; ср. [Bogusławski 1985]. Точно так же, в будущем времени сообщения *Мы уйдем* и *Мы будем уходить* оба говорят о намерении *уйти*: фраза *Мы будем уходить, но не уйдем* скорее производит впечатление внутренне противоречивой.

1.2. Спросим себя: какой элемент значения *всегда и везде* появляется при употреблении СВ — включая фразы (1—3) и (6) с делимитативными, пердуративными (на ПРО-) и градативными глаголами?

Самый наивный ответ прозвучит скорее всего так: действие чем-то *ограничено*.

Как мы видели, внутренним пределом оно ограничено не всегда, и в отсутствие других мыслимых возможностей говорить следует об ограниченности во времени. Однако формула *СВ = 'ситуация ограничена во времени'* в поведении русского СВ объяснит очень мало. Она без всяких натяжек допускает, что ограниченная во времени ситуация *множественно повторяется*. Таковы правила употребления СВ в чешском языке<sup>21</sup>, но не в русском. Дело в том, что русский СВ нормально обозначает *однократную* ситуацию, а итеративное значение приобретает лишь под недвусмысленным давлением контекста. Отсюда ясно, что одной временной ограниченностью значение русского СВ не исчерпывается.

Нельзя говорить и о том, что обозначаемое совершенным видом действие всегда *однократно*, ср. хотя бы примеры типа (7—8):

- (7) Иван вообще-то трезвенник, но иногда и выпьет;
- (8) Иван придет домой — и сразу хлопнется спать.

Вместе с тем, мысль, что СВ значит 'ситуация однократна', верна в двух отношениях. Во-первых, как мы сказали, вне особого, «навязывающего» многократность контекста СВ всегда воспринимается как обозначение однократного действия. Во-вторых, идея однократности неожиданным образом как-то сохраняется

<sup>21</sup> См. [Stunova 1991]. Из сказанного не следует, будто обсуждаемая экспликация обязательно и есть инвариантное значение чешского СВ; мы имеем в виду только то, что она *скорее* подходит к чешскому, чем к русскому языку.

даже и в примерах типа (7—8). Особенно хорошо это видно там, где при глаголе СВ имеется объект: как известно, если речь идет о дискретной сущности и в каждом отдельном событии участвует *один* экземпляр данного предмета, последний всегда называется существительным в *единственном* числе (исключение, конечно, — существительные *pluralia tantum*). Для глаголов НСВ это правило не действует; ср.:

- (9) а. Бывает, что Иван съест яблоко (форма *яблока* значила бы, что яблок всякий раз съедается несколько);  
 б. Бывает, что Иван ест яблоко (форма *яблока* может значить, что всякий раз съедается только *одно*);
- (10) а. Закончив книгу, он тут же продает авторские права;  
 б. Заканчивая книгу, он тут же продает авторские права (во втором случае множественное число *книги* способно выразить тот же смысл, в первом оно бы означало, что авторские права всегда продаются оптом, на несколько книг сразу).

Это правило выполняется совершенным видом столь строго, что его нельзя списать на счет прагматики.

Поэтому толкование СВ должно говорить *о единичности ситуаций, но о такой единичности, которая совместима с их реальной множественностью*.

Парадокс здесь в том, что подобная комбинация вовсе *не парадоксальна*. Если некая сущность единична, то единична она непременно *в каком-то множестве М*. Представим себе, что есть *много* отдельных множеств и в каждом имеется по одной сущности Е. Надо думать, именно с таким положением мы сталкиваемся в примерах (7—8) и (9а—10а), и, следовательно, в толковании видового инварианта нужно просто учесть, что множество М — *не обязательно одно*.

1.3. Чтобы сказать эти же вещи более точно, надо ответить, множеством *каких объектов* является М.

Из двух возможных ответов, гласящих, что М — это множество *временных интервалов* (на одном из которых имеет место Р) и что М есть множество *ситуаций*, верен второй.

Во-первых, он более интуитивен: с наивной точки зрения квантифицировать ситуации гораздо естественнее, чем те временные интервалы, на которых они имеют место. Так, например, известно, что и в русском, и в других языках большинство временных квантификаторов (*часто, зачастую, редко, изредка, иногда, порой, бывает* и мн. др.) способны в равной степени квантифицировать еще и актанты, ср.: *У кошек часто (редко, иногда) бывает дурное настроение* (временная квантификация); *У кошек часто (редко, иногда) бывает дурной нрав* (квантификация не временная, а по множеству кошек). Такая сверхрегулярная двузначность заставляет думать, что реально два типа квантификации едины — представляя собой просто квантификацию *ситуаций*.

Во-вторых, есть случаи употребления СВ, когда релевантных ситуаций две (или больше), а временной интервал явно один; ср.:

- (11) Иван проболтался и (тем самым) выдал друзей;
- (12) Иван поторопился — и погубил все дело;
- (13) Иван сказал глупость и обидел товарища.

Очень важно здесь, что две части в (11), (12) и (13) нельзя разорвать, не изменив их значение. Вместе они формируют так называемую «цепь» (см. ниже), и предложения (11—13) говорят о развитии событий *безотносительно* к моменту речи. Сократив (11—13) до *Иван проболтался*, *Иван поторопился* и *Иван сказал глупость*, мы получим фразы, требующие уже перфектной интерпретации (грубо говоря, результат происшедшего актуален в момент речи или иной опорный момент). Так, после фразы (11) в ее полном виде отрицать значимость события *Иван проболтался* в момент речи гораздо легче, чем если фраза урезана; ср.:

- (11') — Иван проболтался и (тем самым) выдал друзей.  
— Значит, будут неприятности?  
— Нет, это дело уже прошлое;
- (11'') — Иван проболтался.  
— Значит, будут неприятности?  
?— Нет, это дело уже прошлое.

Из этого теста и из аналогичных тестов, которые можно провести для (12) и (13), видно, что две ситуации в наших примерах скорее отнесены к *одному и тому же* времени: вторая есть просто дополнительная «интерпретация» первой. Между тем «множество М» мы понимаем буквально: это именно *множество*, включающее по крайней мере два, но никогда не один объект. Таким образом, множества интервалов в (11—13) нет, а предложения все-таки корректны.

Вообще говоря, приуроченность двух ситуаций к одному отрезку времени столь маловероятна, что без особых на то причин едва ли когда-нибудь предполагается, но она безусловно возможна и мешает видеть в М множество *интервалов*.

Таким образом, множество М гораздо корректнее считать множеством *ситуаций*; но при этом само понятие «ситуация» необходимо уточнить. Уточнения не претендуют на универсальность, а затрагивают лишь то, что важно *с точки зрения вида*. Не страшно, если релевантное для вида понятие ситуации окажется чуть специфичнее соответствующего понятия в его обычном истолковании.

Как видно из сказанного, ситуация для нас — это ее «содержание» (Р) вместе с ее временной приуроченностью (t), то есть ситуация имеет логическую форму 'P<sub>t</sub>' = 'на каком-то временном интервале имеет место то, что описывается в «Р»' или 'о каком-то временном интервале можно сказать «Р»'. Иными словами, две ситуации могут отличаться и своей временной прикрепленностью (тогда, в обще-

принятых терминах, это повторение одной и той же — по содержанию — ситуации), и своим содержанием.

**Замечание 1.** Понятно, что это представление о ситуации не подходит к ситуациям, которые не локализованы во времени (типа *Дважды два равняется четырем*, *Сумма углов (произвольного) треугольника составляет 180 градусов*). Однако ни глаголы СВ, ни — скорее всего — парные глаголы НСВ таких ситуаций никогда не обозначают<sup>22</sup>.

**Замечание 2.** В дальнейшем, чтобы не утяжелять изложение, мы, где это не грозит путаницей, используем символ «Р» достаточно свободно, подразумевая под ним, в зависимости от контекста, либо собственно «вещественное» содержание ситуации, либо всю ситуацию в целом, то есть Р *вместе* с соответствующим интервалом t.

1.4.0. Итак, совершенный вид (а) предполагает множество (множества) ситуаций М, куда входит данная ситуация Р, и (б) говорит о единичности Р в рамках каждого М. И тезис (а), и тезис (б) нуждаются в дальнейших уточнениях.

1.4.1. Начнем с (б). Что именно означает единичность Р? В свете сказанного выше, получается, что при *строгом* подходе единична *всякая* ситуация: либо за счет своей вневременности, либо за счет того, что всякая пара {Р; t} уникальна: еще одна точно такая же пара оказалась бы просто абсолютно *неотличимой* от первой. Тогда, чтобы интуитивно вполне корректное понятие единичности ситуаций не потеряло смысл, необходимо говорить так: множество мыслимых ситуаций М таково, что *есть лишь один интервал, о котором говорится «Р»*.

**Замечание 1.** Большинство исследователей признает, что вид нельзя описать, не прибегая к понятию о времени; ср. в особенности [Timberlake 1985]. Экстравагантная попытка отмежеваться от темпоральных концепций вида в [Durst-Andersen 1993] неубедительна. Автор считает, что суть СВ, грубо говоря, в смене «картинок», то есть она *не пропозициональна*, и вместе с тем постулирует для СВ пропозициональную «подоплеку», которая, естественно, без понятий 'раньше', 'позже' и т. п. — будь они явны или замаскированы в описаниях — обойтись неспособна.

**Замечание 2.** Из наших рассуждений вытекает, что тот единственный временной интервал, где имеет место Р, целостен и недробим: иначе нельзя говорить о его еди-

<sup>22</sup> Мы полагаем, что своя, пусть и несколько необычная, временная соотнесенность есть у многих ситуаций, которые принято считать не локализованными во времени, например у ситуации *посчастливилось (X-у Р)*, даже в предложении (4) *Ивану посчастливилось жить в Москве*. Не входя в детали, заметим, что можно сказать: *Ивану посчастливилось жить в Москве, а после (посчастливилось жить) в Париже*, — и что очень странно подводить под одну рубрику и предложение (4), и действительно *никак* не локализованные во времени ситуации типа *Сумма углов треугольника составляет 180 градусов*.

Также заметим, что если принять, что парный глагол НСВ всегда обозначает локализуемую во времени ситуацию, то окажутся непарными, по крайней мере в некоторых употреблениях, глаголы наподобие *понимать*; ср.: *Моя собака понимает очень многие вещи*. Кажется, такое решение достаточно естественно: необычность этих глаголов НСВ давно привлекает внимание, отразившись даже терминологически в понятии «глаголы перфектного состояния».

ничности. Другими словами, интервал выделяется благодаря тому, что он от начала до конца занят определенной ситуацией. Это не соответствует пониманию временного интервала в логике, где любой интервал можно по нашему усмотрению делить на подинтервалы, зато согласуется с фактами языка. Имей мы право произвольно дробить всякий временной отрезок, не могли бы существовать такие временные квантификаторы, как *редко*, *изредка* и др. Если РЕДКО Р значит ‘мало интервалов, где Р’ (обоснование такого толкования — в [Зельдович 1999а]; этот же смысл наверняка будет *имплицироваться* и любым иным воображимым толкованием, так что входить в тонкости тут совершенно не обязательно) и вместе с тем каждый интервал бесконечно делим, то их одновременно оказывается и *сколь угодно много*. Учитывая огромную роль временной квантификации в любом языке, такая ситуация грозит гносеологическим коллапсом, избегается же он тем, что выделение и дробление временных интервалов всегда имеет какие-то мотивы; самый очевидный из них — то, что данный временной отрезок *целиком* занят (или, в немного более сложном случае, *мог бы* быть занят) определенной ситуацией. Из новейших работ см. [Landman, Rothstein 2010] с дальнейшей литературой.

1.4.2. Теперь обратимся к тезису (а): что *СВ предполагает множество ситуаций*. Нас будет интересовать, что подразумевается под словом *предполагает*. Проще всего было бы включить в семантику СВ компонент ‘существует множество ситуаций М, в которое входит данная ситуация Р’, но делать этого не следует. Найти такое М можно *для любого* произвольного Р, следовательно, эта информация абсолютно тривиальна, причем тривиальна не в том смысле, что повторяет уже присутствующие в контексте сообщения (это положение совершенно нормально; например, во фразе *У меня своя жизнь, а у тебя — своя* союз *а* дублирует некий противопоставительный смысл, и без того присутствующий в бессоюзном *У меня своя жизнь, у тебя — своя*, см. [Крейдлин, Падучева 1974]; во фразе *В этом доме была и гостиница, в которой я, приезжая в Москву, иногда жилал подолгу* (И. А. Бунин) идея многократности выражена трижды: словами *иногда*, *жилал* и *подолгу*), а в том смысле, что в любом случае может быть выведена «заочно»: отрицание этой информации ‘нет множества ситуаций, в которое входила бы данная ситуация Р’ просто лишено смысла. Такое тоже встречается в нормальных высказываниях (типа *Вася есть Вася*, *Что было, то было*, чье отрицание *Вася не есть Вася*, *Что было, того не было* допустимо понимать только фигурально), но представляется, что в собственно грамматической семантике смириться с подобным нельзя: как известно, тавтология не дает аномалии только там, где она затрагивает *эксплицитную* информацию, связана с асертивными элементами значения [Апресян 1989], а семантика видового инварианта явно не такова.

Приведем посторонний, хотя и не совсем чуждый нашей теме пример с родительным отделительным падежом. Он уместен всюду, где в ситуации могло бы принять участие большее количество вещества, чем это реально произошло или происходит. Благоприятный контекст может создаваться по-разному: чаще всего с помощью предельного по семантике глагола совершенного вида (*Он выпил воды*) или тоже несущего идею какой-то ограниченности вторичного имперфектива (*Вместо*



завтрака он выпивает воды); иногда роль ограничителя выполняет определенного размера вместилище (*Лью в кастрюлю воды, ставлю на огонь*; любопытно, что если кому-то *льют в рот воды*, то скорее всего для *полоскания* рта, а не для питья: видимо, нижележащие отделы пищеварительного тракта мыслить как некую емкость значительно труднее, чем рот) или «адресат» действия (*Я несу Ивану воды VS ??Я несу воды*; ср. [Падучева 1996: 189—191]; кроме реально несомой воды для Ивана представима вода для кого-то еще). Очевидно, в примерах типа *??Я несу (пью) воды* «ограничитель» отсутствует и, таким образом, в ситуации *всегда* может принять участие больше воды, чем реально принимает; противоречия с семантикой родительного отделительного падежа нет, однако он неуместен — как раз в силу своей абсолютной тривиальности.

Вспомним по этому поводу и другой хорошо известный факт: в сообщении типа *X существует* терм *X*, в силу семантики глагола *существовать*, заведомо что-то денотирует — пускай даже денотат и является только продуктом нашего воображения, существует в некотором *возможном* мире. Поэтому выражение *X не существует* (*Кентавры не существуют; Русалки не существуют*) в буквальном смысле, в смысле абсолютного не-бытия, употребляться не может; поэтому и *X существует* в буквальном смысле не употребляется, переосмысляясь в ‘*X существует в реальном мире*’.

Вернемся к нашему главному предмету. О том, что множество *M* просто *существует*, нельзя говорить и по другой причине. Интуитивно несомненно, что единичность данной ситуации *важна* для говорящего, в высокой степени интерпретативна по отношению к действительности; например, фраза *Я пообедал* не исключает, что говорящий обедал и раньше: предыдущие обеды его просто *не интересуют*. Поэтому в более корректной формулировке СВ значит, что ‘говорящий *мыслит* множество ситуаций *M*, в котором ситуация *P* единична’. Подчеркнем — и будем помнить, что прагматически важна не только сама эта информация, но и то, что говорящий *ее сообщает*: из последнего вытекает, что множество *M* чем-то *важно* для говорящего<sup>23</sup>.

1.4.3. Но и приведенное толкование еще не отражает всей сути дела. Рассмотрим примеры:

- (14) а. Потом я эту историю слышал еще несколько раз от других, но *первый раз* я ее услышал от Яшки (Ф. Искандер);
- б. Иван прочел книгу *первый раз* с удовольствием, *второй* (раз прочел книгу) — с отвращением;
- (15) Иван стукнул в дверь, потом стукнул *еще раз*;
- (16) Я ударил по гвоздю *молотком*, потом *кувалдой*.

<sup>23</sup> С тезисом, что информативно важен самый акт говорения, в значительной степени связан пафос Грайсовой и постграйсовской прагматики; см. особенно [Sperber, Wilson 1995].

Вспомним заодно и пример

- (3) Ивану дали снотворное, так что время кинофильма, который показывали с двух до четырех, он проспал.

Из (14—16) и (3) видно, что действие Р может быть единичным не само по себе, а вместе с каким-то модификатором А (*в первый раз, первый раз, второй раз, еще раз, молотком, кувалдой, с двух до четырех*). Заметим, что подобная же картина — скорее всего и в примерах типа *Игорь сегодня всего два часа поиграл на скрипке, утром и вечером по часу* (пример из [Мелиг 1995: 142]), где в роли А выступает выражение *два часа*.

Претендовать на роль А способна далеко не всякая единица. Так, малоестественна фраза *??Иван стукнул в дверь, а потом стукнул и присвистнул*. Она либо неловка, либо очень специфична: представляет *стукнул и присвистнул* как неделимую целостность (то есть *присвистнул* сродни обстоятельству, как в *стукнул, присвистнув*). Сравнив это предложение с предыдущими безусловно хорошими примерами, можно заключить, что модификатор А есть нечто говоримое о Р: *в первый раз* в (14а) сообщает о слушании истории, *первый раз* и *второй раз* говорят в (14б) о прочтении книги, *еще раз* в (15) — об ударе в дверь, и т. д. В последнем же предложении *и присвистнул* едва ли говорит о стуке в дверь, и отсюда аномалия.

С другой стороны, формулировка «А есть то, что говорится о Р» допускает, что в роли А выступает *отрицание*. Соответствующие примеры, безусловно, существуют; ср.:

- (17) Все время я ему помогал, а когда *не помог*, он обиделся;  
 (18) Я всегда ходил на собрания, а *не пришел* — сразу вынесли выговор;  
 (19) Один раз *не выполнишь* обещание — тебе вообще перестают верить.

Интуитивно очевидно, что здесь, как и в других случаях, за совершенным видом (*не помог, не пришел, не выполнил*) стоит идея какой-то единичности; однако, в отличие от очень частых ситуаций, когда речь идет о событии, которое было или было бы, если бы было, только однажды (по крайней мере в релевантном для говорящего фрагменте мира), здесь события ‘я ему помог’, ‘я пришел на собрание’, ‘кто-то выполнил обещание’ заведомо множественны, а единичным может быть только *не помог, не пришел, не выполнил*<sup>24</sup>.

Таким образом, суть совершенного вида в том, что ‘(а) говорящий мыслит множество (множества) ситуаций М; (б) данная ситуация имеет место в М (в каждом М из многих) один раз = для М (каждого М) то, что говорится с помощью «Р» или «Р + А», имеет место на одном временном интервале’.

<sup>24</sup> Заметим, что большинство рассмотренных ниже примеров с этой точки зрения просты, и единично *само по себе Р*.

#### 1.4.4. Наконец, еще одно важное пояснение.

После работы [Wierzbicka 1967; также ср. Гловинская 1982; Падучева 1996] специфику вида принято искать непосредственно в лексическом, индивидуальном значении отдельного глагола; именно в такого рода исследованиях и формулируется малоприемлемая идея об инцептивности как общей характеристике совершенного вида. Обосновывается такая позиция тем, что инцептивный и предельный компоненты от лексического значения крайне трудно, а часто и невозможно отделить. Очевидно, единичность, о которой мы говорим, такую процедуру допускает, и потому целостную семантику глаголов можно (и поэтому *нужно* — по причинам, которые подробно объяснены в Предисловии) представлять как совокупность инвариантного «единичного» значения и значения лексического — того конкретного «сценария» событий (P), ради обозначения которого существует конкретный глагол<sup>25</sup>.

1.4.5. В итоге наших рассуждений можно сформулировать следующее толкование совершенного вида:

- (20) (а) 'Говорящий мыслит множество (множества) ситуаций (M), в которое (в каждое из которых) входит то, о чем говорится с помощью «P» или «P + A» (A — что-то, что говорится о P), такое (такие), что  
 (б) в пределах M (каждого отдельного M) то, о чем говорится с помощью «P» или «P + A», имеет место на одном временном интервале;  
 (в) P'.

**Замечание 1.** Подчеркнем, что формулировка пунктов (а) и (б) — поскольку речь идет лишь о вещах, которые *мыслит себе говорящий*, — не навязывает тому, о чем говорится с помощью «P», никакой определенной модальности: последняя в принципе может быть как реальной, так и ирреальной. Разумеется, если ситуация реальна (а нас пока интересует только такой вариант), соответствующий временной интервал приурочивается к реальной временной оси.

**Замечание 2.** Хотя пока что это для нас несущественно, оговорим сразу, что коммуникативный статус видовой граммы (20а—б) — безусловно пресуппозитивный: с одной стороны, перед нами явно *не* ассерция, с другой же — нет никаких оснований усматривать здесь более изысканные и редкие, чем пресуппозиция, явления (например, так называемые слабые смыслы; в работе [Зельдович 19996] мы пошли именно по этому пути, но теперь видим, что такое решение совершенно излишне, можно обойтись более тривиальным понятием презумпции).

1.5.0. Теперь надо показать, как толкование (20) позволяет объяснить закономерности употребления совершенного вида.

Говоря обобщенно, при интерпретации СВ огромную роль играет прагматика. В отношении чисто «вещественного» содержания компоненты (а) и (б) совер-

<sup>25</sup> По-видимому, аналогичный подход продуктивен и при исследовании других сторон русской видовой системы, в частности — глагольных приставок; ср. [Мартиновский 1997: 80].

шенно необязательны: примыслить их к данному «сценарию» Р говорящий может почти всегда или просто всегда; следовательно, эти смыслы суть не что иное, как своего рода призыв к адресату дополнить их таким образом, чтобы возникло нечто информативное. Кроме того, в (а) и (б) содержится и прямая инструкция, *какого именно* восполнения хочет говорящий: если он сообщает, что он мыслит (и, следовательно, его *интересует* или *интересуют*) множество (множества) ситуаций М, где данная ситуация (для простоты примем, что это просто Р, а не Р с «довеском» А) имеет место на одном интервале  $t$ , то вопрос, ради чего это сообщено, естественнее всего переинтерпретируется в вопрос, что собой представляют *другие ситуации* (Р'). Как раз призыв восстановить Р' и определяет важнейшие черты в поведении СВ.

Как мы не раз говорили, высказывание, при прочих равных условиях, тем естественнее — и соответствующая интерпретация имеет тем больше шансов быть выбранной предпочтительно перед иными, — чем меньше требуется усилий для его обработки [Sperber, Wilson 1995; Carston 2002]. В частности, естественнее, когда для интерпретации того или иного семантического элемента используется ровно столько — и не больше — контекстного материала, сколько *необходимо*.

Поэтому гораздо естественнее вариант, когда с глаголом СВ связано лишь *одно-единственное* множество М (и не только потому, что мыслить *много* объектов труднее, чем один; о другой — и тоже восходящей к названному принципу экономии — важной причине будет сказано в 1.6.1), и поэтому интуиция так отчетливо и связывает СВ с идеей реальной однократности.

По этой же причине множество М, если контекст не принуждает к иному (а бывает это достаточно редко), содержит, помимо Р, только *одну* ситуацию Р' <sup>26</sup>.

Наконец, ясно, что ситуацию Р' мы будем искать, в первую очередь опираясь на какие-то «подсказки» со стороны контекста. Очень удобно, если подходящая на роль Р' ситуация дана в контексте прямо, в ином же случае мы постараемся «вывести» Р' из лексической семантики глагола и по возможности связать с моментом времени, который *заведомо* явствует из контекста, то есть скорее всего — с моментом речи.

Там, где множество М одно (а начнем мы с этого варианта), возникают три основных типа употребления СВ: «цепное», перфектное и квазиперфектное.

1.5.1. «Цепную» интерпретацию СВ, при которой ситуация Р' прямо дана в контексте, иллюстрируют примеры:

---

<sup>26</sup> С этой точки зрения вместо термина «множество ситуаций» был бы нагляднее термин «ряд ситуаций», поскольку ряд из двух членов несколько привычнее, чем двучленное множество. Однако термин «множество» универсальнее в том смысле, что, в отличие от «ряда», может быть использован также при интерпретации несовершенного вида, который относительно совершенного во многом «зеркален»; поэтому мы предпочитаем и здесь пользоваться понятием «множество».

- (21) Иван вошел и сел;
- (22) Иван уснул и увидел странный сон;
- (23) Техник допустил оплошность, и случилась авария;
- (24) Отказавшись от выгодного предложения, он потом долго об этом жалел.

В каждом предложении вторая ситуация по отношению к первой выполняет роль P'.

Убеждает в этом простой эксперимент. Если бы мы ограничились высказываниями

- (21') Иван вошел;
- (22') Иван уснул;
- (23') Техник допустил оплошность;
- (24') Он отказался от выгодного предложения,

то значение СВ с очень большой вероятностью было бы совершенным: нас интересовал бы результат действия как он явлен *в момент речи* (или в иной опорный момент; но если брать эти высказывания вне устанавливающего такой момент контекста, это всегда момент речи). Фраза (21') значила бы, что в момент речи Иван находится в соответствующем месте, (22') — что он спит, (23') — что в момент речи имеется опасность аварии, что-то неисправно, техника надо наказывать и т. п., (24') — что у персонажа есть причины пожалеть о сделанном (подробнее о совершенстве — чуть ниже).

Если же наши первоначальные примеры (21—24) и допускают такую интерпретацию (соответственно — 'Иван сейчас находится в том месте, куда входил', 'Иван спит', 'есть опасность аварии (либо — что-то неисправно, либо — техника надо наказывать и проч.)', 'есть причины жалеть о сделанном'), то она не только всюду явно *факультативна*, но для (22—24) даже и *неловка*: (22) скорее всего имплицитно, что сон уже закончился, (23) — что нет опасности либо неисправности (ибо когда авария уже произошла, мы об *опасности* или *неисправности* говорить не склонны; намек на возможное наказание техника усмотреть здесь тоже намного труднее, чем в (23')), фраза же (24) почти наверняка подразумевает, что в момент речи персонаж уже *не* жалеет — хотя бы просто за давностью сделанного шага.

Таким образом, совершенная интерпретация первого СВ в конструкциях типа (21—24) — скорее исключение, чем регулярная возможность<sup>27</sup>.

Отсюда видно, что та потребность связать P' с моментом речи, которая есть в (21'—24'), исчезает в (21—24): исчезает несомненным образом потому, что *здесь имеется иной, эксплицитный кандидат на роль соотнесенной ситуации P'*.

<sup>27</sup> Видимо, относительная естественность совершенного прочтения для (21) объясняется тем, что два действия — *вошел и сел* — здесь особенно тесно «спаяны» и в принципе могут восприниматься как *одна*, так сказать, «сериализованная», ситуация — так что материала для «цепи» при такой интерпретации просто не остается.

Что касается второго глагола в предложениях (21—23) (о (24) говорить не будем, так как тут второй глагол — *несовершенного* вида), то его употребление «цепным» признать трудно.

Такой глагол как правило создает впечатление, что говорящего интересует *результат* действия, что говорящий сосредоточен на том, что будет *после* Р, а не *до*. Например, если продолжить фразу (21) комментарием *Удивительно! (Иван вошел и сел. Удивительно!)*, то наиболее вероятной причиной удивления будет то, что Иван *сидел* или *сидит*. Если сказано *Иван такой бледный оттого, что уснул и увидел странный сон*, то как причина бледности скорее будет восприниматься не то, что он уснул, а *впечатление от увиденного сна*. Разумеется, от странного сна мы бледнеем чаще, чем оттого, что просто уснули, однако и при интерпретации предложения *Иван такой бледный оттого, что увидел странный сон и впал в протрацию* бледность тоже естественнее связать *со вторым* компонентом сочинительного ряда — с тем, что Иван находится в протрации, а не с тем, что он увидел странный сон. Аналогично обстоит в тексте *Техник допустил оплошность, и случилась авария. Все в шоке*, где причина шока — скорее всего *результаты аварии*. Дело здесь опять-таки во взаимном расположении компонентов, а не в их «материальном содержании», ср.: *Случилась авария, так как техник допустил оплошность. Все в шоке*, — где шок скорее вызван оплошностью техника.

Таким образом, у второго СВ в (21—23) значение скорее всего *не «цепное»* (а перфектное или квазиперфектное, о которых — ниже). Видимо, такая асимметрия между первым и вторым СВ объясняется тем, что СВ, как мы еще будем позже говорить, в подавляющем большинстве случаев обозначает *событие* и заставляет интересоваться тем состоянием мира, которое после события возникло. Для первого СВ в текстах вроде (21—23) «цепное» осмысление не вступает в конфликт с интересом к «последействию», а для второго — вступает, и по каким-то еще требующим изучения причинам «выигрывает» интерес к «последействию».

Впрочем, при некотором нажиме со стороны контекста может оказаться и иначе. Судя по всему, во фразах *Иван сел — и вдруг вскочил; Шар взлетел — да и взорвался; Иван хозяин своему слову: сказал, что уйдет, — и ушел* оба обозначаемые совершенным видом действия ориентированы «друг на друга», а эффектами второго говорящий не слишком интересуется — то есть не только второе действие по отношению к первому, но и первое по отношению ко второму выступает как соотносительная ситуация Р'.

О том, насколько прихотливы и насколько достойны изучения условия, при которых возникает «цепная» интерпретация СВ, свидетельствует и следующий пример:

- (25) а. Лучше купить готовые котлеты, чем жарить их самому;  
б. Лучше купить готовые котлеты, чем поджарить их самому.